

Лишь когда машина Шэнь Тинюаня выехала из подземного паркинга и влилась в городской поток, колотящееся сердце Вэнь Цинлиня немного унялось.

Ещё там, в полумраке гаража, едва пальцы Шэнь Тинюаня коснулись его шеи, сердце Вэнь Цинлиня совершило сумасшедший кувырок. Он слишком отчётливо ощутил, как под подушечками чужих пальцев забилась сонная артерия — самое уязвимое, смертоносное место на человеческом теле.

Говорят, даже слишком яростный засос в эту зону может стать смертельным.

И в то мгновение эту хрупкую, опасную точку Шэнь Тинюань накрыл ладонью, мягко надавив... На миг показалось, будто сам его пульс перешёл под чужой контроль.

Опасность и наслаждение действительно всегда ходят рука об руку. Сладостная дрожь, точно электрический ток, метнулась от шеи по всем сосудам, отзываясь в самом сердце тонким трепетом.

К тому же... Его слова:

— Я хочу стать первым, к кому ты обратишься за помощью.

Прежде, касаясь той же темы, Шэнь Тинюань выражался куда мягче:

— Возможно, Учитель Вэнь мог бы изредка хотя бы немного полагаться на меня.

В сравнении с прошлым разом его тон всё ещё оставался безупречно вежливым и уважительным, но в свежей фразе прозвучала отчетливая властность. В самом выражении «первый, к кому обратишься» сквозило нечто исключительное, собственническое.

На мгновение Вэнь Цинлинь даже усомнился: уж не мельком ли он заглянул на изнанку чужой души? Но мысль казалась абсурдной — джентльменские манеры Шэнь Тинюаня были впитаны с молоком матери, ввелись в самую суть.

Да и сам Шэнь Тинюань не дал ему времени увязнуть в догадках. Не дожидаясь ответа, он отстранился, выпрямился за рулём и завёл двигатель.

Они ехали в тишине, пока Шэнь Тинюань не подал голос, вырывая Вэнь Цинлиня из вороха мыслей:

— Прости... Я не сильно испугал тебя, Учитель Вэнь?

Вэнь Цинлинь недоуменно повернул голову. Шэнь Тинюань спокоен, сосредоточен на дороге — его профиль выглядел так же сдержанно, как обычно. От недавнего давления, ощущавшегося на парковке, не осталось и следа.

— С чего бы мне пугаться? — усмехнулся Вэнь Цинлинь.

На светофоре загорелся красный. Остановив машину, Шэнь Тинюань повернулся к нему. Он пристально всматривался в лицо спутника пару секунд, проверяя, действительно ли тот не перепуган, и лишь затем едва заметно перевёл дух.

— Больше я не...

Он хотел сказать: «Больше подобного не повторится». Не станет сжимать сонную артерию, не переступит через обещание «безраздельно уважать твои желания»...

Но едва он начал, Вэнь Цинлинь непринуждённо бросил, точно между прочим:

— Я просто удивился. Надо же, наш генеральный директор Шэнь бывает и не столь обходительным.

Шэнь Тинюань слегка замер. Почувствовав, насколько легко держится собеседник, он и сам немного расслабился. Поджав губы, после короткого колебания он сглотнул готовые слова и тихо спросил:

— Тебе... трудно такое принять?

«Бывает не столь обходительным» — примет ли он это?

Вопрос снова застал Вэнь Цинлиня врасплох. Ведя подобный разговор, Шэнь Тинюань фактически признавал: да, у него есть жесткая сторона. Он не всегда способен оставаться безупречным джентльменом.

Едва осознав это, Вэнь Цинлинь снова почувствовал, как сердце предательски заколотилось.

Он неосознанно облизнул губы. Вместо прямого ответа встречая беспокойный, чуткий взгляд Шэнь Тинюаня, Вэнь Цинлинь слегка изогнул бровь и с многозначительной улыбкой робко признался:

— По-моему, это чертовски заводит.

Взгляд Шэнь Тинюаня мгновенно изменился, а дыхание сбилось, став тяжёлым и рваным. Он

изо всех сил прикусил кончик языка, давя подступившее безумие резкой вспышкой боли.

Если дикий зверь хоть раз проявит натуру и за это получит похвалу, сдерживать его потом будет почти невозможно.

Но Шэнь Тинюань твердил себе: нельзя. Он обязан держать себя в руках.

Загорелся зелёный. Шэнь Тинюань отвернулся к дороге, плавно надавил на газ и, с трудом сохраняя ровный голос, сипло отозвался:

— Спасибо за понимание, Учитель Вэнь.

Вэнь Цинлинь лишь тихо цокнул языком, не дав теме хода. Для такого человека, как Шэнь Тинюань, редкие вспышки жесткости — точно мыльные пузыри: редки и до крайности хрупки. Однако это не помешало Вэнь Цинлиню почувствовать искреннее удовольствие от этой «хрупкой» грани.

Немного подумав, Вэнь Цинлинь неожиданно предложил:

— А может, поедem прямо домой и приготовим что-нибудь сами?

С момента свадьбы им ни разу не доводилось готовить вместе. Раньше Вэнь Цинлиня подобные домашние хлопоты ничуть не привлекали, но прямо сейчас внезапно разгорелся азарт.

Пальцы Шэнь Тинюаня на руле на мгновение замерли.

— Учитель Вэнь умеет готовить? — тихо переспросил он.

Должно быть, он слишком привык видеть изящные, белоснежные пальцы Вэнь Цинлиня с кистью в руках, возвышенные и нетронутые мирской суетой. Представить эти руки за кухонной утварью казалось почти невозможным.

И действительно — готовить Вэнь Цинлинь толком не умел.

Он рассмеялся, признаваясь с открытой прямоотой:

— Довести до готовности сумею. А вот вкусно ли получится... тут без гарантий.

Шэнь Тинюань тоже улыбнулся, его губы изогнулись в привычно мягкой, тёплой полуулыбке. Выключив навигатор, он начал разворачивать машину и произнёс:

— Тогда готовить буду я. А Учитель Вэнь возьмёт на себя самое главное — дегустацию.

Настал черёд Вэнь Цинлиня удивляться:

— Ты хорошо готовишь?

— Не скажу, что шедеврально, — качнул головой Шэнь Тинюань, позволив себе редкую шутку.

— Но чуть лучше, чем просто «довести до готовности».

— Замечательно! — хохотнул Вэнь Цинлинь. — Тогда я с чистой совестью буду ждать готового.

Спустя полчаса они уже были дома. Ещё по дороге Шэнь Тинюань заказал свежие продукты, и к тому моменту, как они переоделись, курьер уже доставил пакеты. Шэнь Тинюань ловко перенёс всё на кухню.

Вэнь Цинлинь лишь символически уточнил: «Точно не надо помочь?», и, получив уверенный отказ, с чистой совестью устроился на диване — обдумать новый сюжет для маньхуа.

Из-за подготовки к выставке он был занят две недели подряд и совсем не находил времени на рисовку. Читатели в комментариях уже извелись от ожидания.

Однако... доносившиеся из кухни звуки не давали сосредоточиться. Дело было вовсе не в шуме. Если уж быть честным до конца — это чувство было странным, непривычным.

За все свои почти двадцать восемь лет Вэнь Цинлинь едва ли мог припомнить подобный миг. Миг, когда кто-то готовит на кухне, а ты просто ждёшь ужина, не слыша ни брани, ни истерик, чувствуя полное умиротворение.

Он незаметно для себя задумался, а когда очнулся от мыслей, обнаружил, что уже стоит у кухонного проёма, наблюдая за хлопочущим у плиты человеком.

Дома Шэнь Тинюань носил свободную льняную рубашку. Сейчас её рукава были небрежно подвернуты, обнажая тонкие запястья. Длинные, изящные пальцы, привыкшие держать перьевую ручку, кисть или чашку с чаем, ловко разделявали продукты. Небольшой контраст с его строгим образом, но насколько же гармоничный.

Свет кухонной лампы мягко очерчивал его силуэт, разбавляя привычную утончённость капелькой уютного, домашнего тепла. Вэнь Цинлинь смотрел не отрываясь, и внутри вдруг проснулось необъяснимое, острое влечение...

Когда Шэнь Тинюань не выдержал и обернулся, его взгляд столкнулся с откровенным, почти бесстыдно жадным взглядом Вэнь Цинлиня.

Шэнь Тинюань замёрз на месте, его кадык судорожно дернулся. С трудом взяв себя в руки, он хрипло спросил:

— Учитель Вэнь проголодался?

— Ужасно, — без колебаний кивнул Вэнь Цинлинь. Зачарованно помолчав, он медленно скользнул взглядом вниз, задерживаясь на чужом животе, и с интригующим прищуром шепнул: — А наш генеральный директор Шэнь сможет меня накормить?

В его голосе звучал неприкрытый соблазн. Настоящее, откровенное искушение.

Шэнь Тинюань сделал два быстрых шага вперёд. Сверля Вэнь Цинлиня сверху вниз, он натянулся словно тетива готового к выстрелу лука. Едва удерживая последние капли благоразумия, он сипло переспросил:

— Мы не будем сначала ужинать?

Вэнь Цинлинь вскинул руку и, повторяя жест Шэнь Тинюаня на подземной парковке, прикоснулся кончиками пальцев к его сонной артерии. Чувствуя, как под кожей неистовствует бешено колотящийся пульс, он изящно улыбнулся:

— Неужели генеральный директор Шэнь считает, что еда вкуснее меня?

Едва слетели последние слова, Шэнь Тинюань подхватил его под спину и колени, подгребая к себе и легко поднимая на руки.

Вэнь Цинлинь уже привык к чужим объятиям и ничуть не испугался. Когда Шэнь Тинюань развернулся в сторону спальни, он лишь лукаво шепнул ему на ухо:

— Генеральный директор Шэнь, готовить нужно на кухне.

Шаги Шэнь Тинюаня мгновенно замерли. Спустя мгновение, судорожно дыша, он вернулся на кухню и опустил Вэнь Цинлиня прямо на кухонный гарнитур.

Кулинария — тоже искусство, требующее особого мастерства.

Для начала следовало досконально изучить продукт, чтобы подобрать идеальный способ обработки. Шэнь Тинюань выбрал самый знакомый и подвластный ему вариант — подступиться со спины.

Затем нужно снять всё лишнее, обнажив сокровенную суть. Белоснежная кожа под светом кухонного плафона засияла матовым блеском, напоминая драгоценный шёлк — наивысшая проба, безупречный деликатес.

Самый же ответственный шаг — угадать с огнём и вовремя добавить специи. То накрыть ослепительным пламенем, то убавить до медленного томления, тонко чуя чужой отклик.

При таком уровне мастерства много приправ не требовалось — избыток легко мог испортить блюдо. Было достаточно лишь легких прикосновений к изгибам позвоночника, высекавших сладостную дрожь, чтобы придать этому ужину незабываемый вкус.

За окном давно стемнело. Осенний Хайчэн ласков лишь под дневным солнцем, а едва смеркается, прохладный ветер, пробивающийся сквозь неплотно закрытое окно, приносит явную ознобную свежесть.

Но ни Вэнь Цинлинь, ни Шэнь Тинюань холода не замечали. Напротив, волны жара неудержимо рвались изнутри, перетекая от тела к телу через соприкосновение кожи и костей. Ведь сам процесс готовки — обжигающий, давящий, клопочущий.

В какой-то миг Вэнь Цинлинь в истоме запрокинул голову и увидел за стеклом зажигающиеся окна домов. Эти огоньки, казалось, рассеивали осеннюю тьму, даря простое человеческое тепло. Совершенно внезапно Вэнь Цинлинь от чистого сердца подумал: их спонтанный брачный союз с Шэнь Тинюанем — чертовски удачное решение.

Тонуя в безумном наслаждении, когда разум застилала белая пелена, он с трудом выдохнул:

— В пятницу... ты свободен? Не хочешь... х-а-а... прийти на мою выставку?

Помолчав мгновение, Вэнь Цинлинь прикрыл глаза и договорил с пьянящей улыбкой:

— Мой... первый выбор.

Человек позади него резко замер. Дыхание Шэнь Тинюаня сбилось, став ещё более рваным и частым.

Вэнь Цинлинь... лично приглашал его на свою выставку!

За эти десять лет Шэнь Тинюань не пропустил ни единой выставки, где выставлялись работы Вэнь Цинлиня. От масштаба персональных вернисажей до самых скромных студенческих показов в Академии изящных искусств — если там висела хотя бы одна его картина, Шэнь Тинюань обязательно приходил. В студенческие годы прогуливал пары, а став главой корпорации, отменял важные встречи.

Но за все десять лет это был первый раз, когда приглашение исходило от самого Вэнь Цинлиня. Персональное, интимное, шепчущееся на ухо в объятиях, переплетённых дыханием и теплом, голосом, совсем не похожим на его привычно-холодный тон.

Только для него одного.

Словно священное благословение, чувство абсолютного счастья затопило Шэнь Тинюаня без остатка.

— Я свободен... Конечно свободен. Я обязательно приду... — его голос дрожал от сдерживаемой бури.

И пусть слова звучали как молитва, действия кричали сокрушительной страстью. Шэнь Тинюань устремился в новую атаку, окончательно сбросив цепи выстраданного самообладания.

Ещё шаг — и снова осквернить своего бога...

<http://bllate.org/book/20550/2131930>